

ЭЛЬВИРА СМЕЛИК ЕКАТЕРИНА ГОРБУНОВА

ПИОНЕРСКАЯ КЛЯТВА НА КРОВИ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С50

Смелик, Эльвира Владимировна.

С50 Пионерская клятва на крови / Эльвира Смелик, Екатерина Горбунова. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Смерть в пионерском галстуке).

ISBN 978-5-04-210164-9

Пионерский лагерь «Спутник» расположен у Чудного озера, где, по легенде, на плавающем острове спрятан клад, а в лесу обитают духи нижнего мира.

С первых дней ребятам третьей смены не по себе: в озере мерещатся утопленники, а «оживающие» деревья не дают выйти из леса.

Ночью мальчики из первого отряда тайно выбирают к озеру. Там один из них приносит клятву на крови, чтобы удостоиться дружбы с лидером отряда. После чего... начинает вести себя как совершенно другой человек — из хлюпика и труса превращается в дерзкого и самоуверенного нахала.

А наутро в лагере находят безжизненное тело вожатой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210164-9

© Смелик Э.В., Горбунова Е.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

Генке казалось, темнота вокруг стала еще гуще. И если бы не яркие оранжевые языки пламени, не только дарящие свет, но и всегда готовые безжалостно ужалить непереносимым жаром того, кто потянется к ним или подступит слишком близко, она непременно напозла бы, накатила черной непроницаемой волной, затопила площадку и накрыла их с головой. И тогда реальность исчезла бы. Почти по-настоящему.

Это было не страшно, это было жутко. Порождало холодную пустоту внутри и безнадежное осознание, что всё бессмысленно. Вообще всё. Прошое, настоящее, будущее, мир и населяющие его люди. Но в первую очередь — Генкина жизнь.

Он никак не мог согреться. Рубашка и треники, надетые на мокрое тело, пропитались влагой и не согревали, а только сильнее холодили. Из слипшихся от воды волос до сих пор время от времени выкатывались тяжелые капли или даже целые ручейки, сбегали по шее, прогоняя по телу волну мурашек и заставляя зябко ежиться. В носу хлюпало,

и, надо думать, со стороны Генка выглядел довольно жалким и потерянным. Особенно на фоне Паши.

Тот даже не стал до конца одеваться, только натянул джинсы, но не мерз, точно не мерз. Он стоял напротив Генки всего в двух шагах, прямой, напряженно собранный, с расправленными плечами и гордо поднятой головой.

Мотя и Серый торчали чуть поодаль, на границе между темнотой и светом, почти незаметные, словно растворенные мраком тени. А Паша, освещенный пламенем костра, выделялся четко и резко и еще почему-то казался выше и мощнее, даже старше, как будто являлся не человеком, а каким-то неведомым сверхсуществом. И языки огня, отражаясь, плясали в его глазах.

— Теперь твоя очередь. Держи, — произнес он, по-прежнему протягивая Генке ладонь, на которой лежал маленький раскладной нож.

На блестящем тонком лезвии тоже играли всполохи отраженного пламени, и возникало впечатление, будто оно раскалено и светится само по себе.

— Ну! — с нажимом повторил Паша.

Из окружавшего площадку полумрака донеслись мерзкие злорадные смешки и презрительный возглас:

— Да я же тебе говорил, он ссыкло! Сейчас в штанишки наделает и станет мамочку звать.

Генку передернуло от этих слов, словно Мотя не произносил их, а выводил острой железкой по

ПИОНЕРСКАЯ КЛЯТВА НА КРОВИ

стеклу. Мурашки пробежали не только по коже, но и под ней и даже по языку, отчего представилось, что его сейчас вывернет. Не стошнит, а именно вывернет наизнанку, как рубашку или пальто, окончательно выставив на всеобщее обозрение и без того чересчур уязвимое, мягкое, безвольное нутро.

Мотя опять гоготнул и наверняка хотел добавить еще что-то более гадкое и унижительное. Но Паша шикнул на него, и Мотя не стал орать, зато поделился невысказанным со стоящим рядом Серым, и они уже вдвоем захрюкали и забулькали от сдавленного смеха.

— Неужели так трудно? — скривив уголок рта, поинтересовался Паша. — Выходит, Мотя прав, и ты всего лишь...

Нет! Генка не дал ему договорить — стремительно выкинул вперед руку, трясущимися пальцами ухватил ножик, ни на секунду не переставая чувствовать на себе цепкий пристальный взгляд, одновременно ждущий и испытующий. Он ощущался почти материально, обжигал, будто огонь в глазах Паши был не отраженным, а самым что ни на есть реальным.

Генка с силой стиснул гладкую удобно изогнутую рукоятку, решив, что хотя бы так справится с предательской дрожью в пальцах. Они же не смогут трястись, если сжаты в кулак. Но дрожь никуда не ушла, а, наоборот, перетекла дальше по трепещущим нервам, пытаясь захватить все тело.

В коленках появилась ватная слабость. Сердце не стучало, а надрывно бухало, будто являлось не составной частью организма, а чем-то отдельным, случайно запертым в Генкиной груди и теперь отчаянно рвавшимся на волю — прочь и подальше-подальше-подальше от всего происходящего.

Он тоже мог все бросить и сбежать, в любой момент. И даже то, что потом его станут дразнить и шпынять еще сильнее, уже не казалось невыносимым и запредельно ужасным. Гораздо страшнее — самому ощущать себя полным ничтожеством, действительно считать, что дразнят тебя не зря, что ты заслужил подобное отношение.

Еще и Паша, как яркая противоположность, как немая насмешка — уверенный, невозмутимый, внушительный, не знающий ни страха, ни холода, а потому вызывающий зависть и злость. Он стоял слишком близко и ничуть не боялся, что вот он перед Генкой, такой уязвимо открытый, а у того — нож.

Темнота сгущалась, пламя костра трепетало: то опадало, то взмывало вверх, швыряло в черное небо оранжевые искры, словно пыталось поджечь его. А может, искры и правда улетали высоко-высоко, но не поджигали, а вязли в густом чернильном мраке ночного небосвода, превращались в нескончаемое множество звездных глаз, холодных и суровых, бесстрастно наблюдавших, что творится там, внизу. Как живут эти люди. На что они способны. Настолько ли они маленькие, жал-

ПИОНЕРСКАЯ КЛЯТВА НА КРОВИ

кие и беспомощные, как представлялось отсюда, с высоты.

— Ну! — в который раз произнес Паша с легким презрительным раздражением, и Генка, зажмурившись, перестав дышать и почти ничего не соображая, в отчаянии взмахнул сжимающей нож рукой.

ГЛАВА 1

В автобус Инга забралась последней, или точнее предпоследней. Снаружи еще остался вожатый Коля, долговязый, улыбчивый и немного суетливый. Это была его первая смена, по крайней мере в качестве вожатого, вот он и волновался. Зато Инга чувствовала себя опытным невозмутимым старожилом пионерского лагеря.

Она, считая с каникул после первого класса, ездила в лагерь каждое лето, иногда даже на две смены, пройдя путь от самого младшего до самого старшего отряда. Правда, в «Спутнике» не была ни разу, но вряд ли он сильно отличался от остальных лагерей.

Всё тут примерно одинаковое, начиная с раннего утреннего сбора отъезжающих и строгой переписи будущего лагерного населения.

На этот раз собирались в небольшом сквере позади заводского Дома культуры. Вот Инге и пришлось побегать туда-сюда мимо размещившихся на довольно узких аллеях столов, отыскивая табличку с подходящими годами рождения и нужным

ПИОНЕРСКАЯ КЛЯТВА НА КРОВИ

номером отряда. То, что это будет именно первый, она решила заранее и даже не рассматривала другие варианты. Ведь, скорее всего, это ее последняя смена.

После восьмого класса в пионерские лагеря почти никто уже не ездил. Разве что во всероссийские «Артек» и «Орленок», но туда отправляли только избранных и за особые заслуги. А Инга самая обычная, поэтому ей приходилось довольствоваться путевками, которые могли достать родители. Хотя она никогда не жаловалась, ее всё устраивало. Но на этот раз она должна попасть именно в первый отряд. И никак иначе! Ей ведь уже четырнадцать лет.

Поиски затрудняла толпа провожающих. Конечно, тринадцать отрядов — не шутка. Но порой возникало впечатление, будто некоторых отправляли в лагерь всем семейством, включая бабушек-дедушек с обеих сторон, а может, даже дядей-тетей со всеми их отпрысками.

В отличие от них Ингу провожал только один немного растерянный папа. Мама осталась дома с маленькими близняшками и теперь наверняка переживала, как муж и дочь обойдутся без нее. Но на самом деле Инга и одна бы справилась — с ее-то опытом! — поэтому чувствовала себя гораздо уверенней, чем папа, который никогда не любил суету и толкотню.

Он то и дело снимал и протирал очки, озадаченно морщил лоб, но все-таки помогал по мере сил. Не отставал, не терялся, не жалуясь и не возмущаясь,

таскал за дочерью довольно увесистый чемодан, еще и время от времени вытягивался в струнку, стараясь через чужие головы разглядеть нужную табличку. Он даже обнаружил ее первым и сразу окликнул опять убежавшую вперед дочь.

— А теперь что? — поинтересовался папа, с явным облегчением опуская на асфальт чемодан.

— Я все сделаю, — решительно заявила Инга, расстегнула молнию висящей на плече сумки, выудила из нее путевку с краснощеким горнистом и окруженной елками палаткой на картинке.

Потом она оценивающе оглядела плотно облепивших складной столик людей, прищурилась, ухватившись за ремень, стянула сумку с плеча и отдала папе, чтобы ни за кого не цеплялась и не мешала, и только тогда бесстрашно нырнула в толпу.

Инга протиснулась между чужими локтями, ужом проскользнула под рукой довольно габаритной и потому не слишком поворотливой тетеньки и, оказавшись в первом ряду, тут же протянула путевку сидящему за столиком парню в клетчатой рубашке-ковбойке с закатанными до локтей рукавами. Судя по пионерскому галстуку, да и по возрасту тоже, в первом отряде он был вожатым.

— Вот! — громко произнесла она, стараясь перекрыть гул чужих голосов. — Запишите. Малеева Инга.

Парень посмотрел на нее удивленно и заинтересованно, спросил:

— А ты здесь одна, что ли?

ПИОНЕРСКАЯ КЛЯТВА НА КРОВИ

— Почему одна? С папой, — ответила Инга, махнула себе за спину рукой. — Он там. Стоит с чемоданом, — пояснила и тут же добавила: — Но, если нужно, я его позову.

Правда, опять отдаляться от стола и отдавать другим с трудом отвоеванное место ей совсем не хотелось. Вдруг больше не удастся так же удачно протиснуться вперед, особенно вместе с папой и чемоданом, и за это время успеют набрать нужное количество ребят. А отступать от цели и соглашаться на второй отряд Инга не собиралась. Тем более она заранее, еще дома, на прочно приклеенной к чемодану бумажке под собственным именем и фамилией недрогнувшей рукой самоуверенно и твердо вывела печатными буквами: «1 ОТРЯД».

— Вы только путевку прямо сейчас возьмите, — с упрямым напором проговорила она.

Вожатый хмыкнул и улыбнулся.

— Да ты не волнуйся, — произнес ободряюще, — возьму. — И действительно, взял, развернул на автомате, правда, читать не стал. — А звать никого не надо. Но все равно, подожди минутку. Список у Людмилы Леонидовны. Как только освободится, и тебя запишет.

Сидящая рядом воспитательница, похоже, услышав, что речь зашла о ней и невольно среагировав, отвернулась от той самой толстухи, с которой разговаривала, и с немым вопросом воззрилась на вожатого. Тот не растерялся, моментально подсунул ей путевку и почти повторил недавно услышанные слова:

— Вот. Еще одна, — сверился с написанными от руки строчками. — Малеева Инга. Четырнадцать лет.

Людмила Леонидовна недовольно свела тонкие, аккуратно выщипанные брови, но путевку забрала, положила перед собой, заглянула в листок со списком, пробежалась глазами по длинному столбику уже записанных фамилий. Потом вздохнула и покачала головой, отчего у Инги встревоженно замерло сердце — неужели все-таки опоздала? Но заранее впадать в панику и лезть с вопросами она не стала, решила дожждаться, когда воспитательница закончит с толстухой и переключится на нее, Ингу.

— Можете уже грузить вещи в машину, — подводя итог очередному разговору, отработанно выдала Людмила Леонидовна. — Она в самом конце колонны. Только подпишите обязательно. — И указала на стопочку прямоугольных листочков и пузырек с клеем. — Потом можно сразу идти к автобусу. Наш самый первый, с цифрой «один» на лобовом стекле.

Толстуха, дослушав, подцепила сразу несколько бумажек, подхватила пузырек, попятилась. Людмила Леонидовна проводила ее усталым восклицанием:

— Клей вернуть не забудьте! — И только тогда посмотрела на Ингу.

Та, не дожидаясь вопросов и не откладывая, чтобы случайно не спугнуть удачу и никого не пропустить вперед, еще раз назвалась, потом сразу принялась диктовать свой адрес.

ПИОНЕРСКАЯ КЛЯТВА НА КРОВИ

— Да подожди ты, — остановила ее воспитательница. — Я же не печатная машинка.

Она поправила листок, повертела в пальцах ручку, заставив Ингу несколько раз переступить с ноги на ногу от нетерпения, и наконец-то вписала ее в свободную графу в самом низу таблицы изящным бисерным почерком. Инга сразу выдохнула с облегчением, повторила адрес, додиктовала остальные сведения: номер домашнего телефона, фамилию-имя-отчество и место работы родителей.

Услышав завершающее разговор стандартное «Можете грузить вещи в машину», она опять не стала ждать продолжения фразы, а деловито отрапортовала:

— Я все знаю. И вещи уже промаркировала.

Людмила Леонидовна, поджав губы, критично глянула на нее, кивнула, заключила негромко, но весьма ехидно:

— Вот и замечательно. — И сразу развернулась к водителю. — Коля, девочек мы уже набрали. Это последняя. Теперь берем только мальчиков. Для них еще осталось несколько мест.

Но эти слова Ингу уже мало интересовали. Она вернулась к папе, как и раньше продолжая ощущать себя главной в их паре, довела его до грузовика. Здесь тоже уже образовалась очередь, и опять пришлось ждать.

Избавившись от уже основательно надоевшего чемодана, они торопливо двинули к нужному авто-